

Консервативная традиция и современность

Русский консерватизм возвращается. Уставшее от революций и радикальных реформ общество обращается к традиции, стремясь найти то вечное, что может послужить надежной опорой в наше сложное время. Сегодняшнее изучение отечественного консерватизма вызывает у исследователей пока больше вопросов, чем ответов и думается, что объединение усилий историков, политологов и философов поможет нам приблизиться к пониманию сущности консервативной мысли.

До сих пор остается дискуссионной проблема поиска истоков русской консервативной мысли. В.В.Леонтович в своей книге «История либерализма в России» проследивает истоки русского политического консерватизма с 1762 г., когда на русском престоле воцарилась Екатерина II. Один из современных исследователей консерватизма В.Я.Гросул считает, что «считать русский политический консерватизм фактически зародившимся можно лишь в начале XIX в., с вступлением на престол Александра I» (1). В истории русской философской мысли «консервативный тип мышления наглядно (для XIX в.) выявляется уже в мировоззрении славянофилов» (2), чьи историософские построения были тесно связаны с религиозной константой. В этот же период происходит оформление «теории официальной народности», связанное с именем С.С.Уварова, которая так же, как и славянофильские разработки, носила в значительной степени мифологизированную окраску. Впоследствии консервативное мировоззрение приобрело более четкие очертания в концепциях Н.Я.Данилевского, которому принадлежала формулировка теории культурно-исторических типов, и К.Н.Леонтьева, для мировоззрения которого была характерна ярко выраженная эстетическая окраска. Стремление дать консерватизму не только религиозно-философское, но и юридически-правовое обоснование было характерно для работ К.П.Победоносцева и Л.А.Тихомирова. Что касается идей консерватизма, то они присутствовали в России задолго до XVIII в. Идеи консерватизма, отдельные приверженцы этих идей существовали всегда. Другое дело консерватизм как политическое течение. В этом случае действительно можно дискутировать о хронологических рамках этого течения.

Отметим, что взаимоотношения консерваторов и самодержавной власти складывались далеко неоднозначно. Власть могла использовать те или иные теоретические построения консервативных мыслителей для своих практических интересов, но весьма болезненно воспринимала любую «критику справа». Характерно, что четко оформленной консервативной идеологии, универсальной «консервативной философии» в ее «чистом» виде в России так и не сложилось. Ведь нельзя же считать таковой рассчитанные на эмоциональное восприятие лозунги в стиле уваровской триады. В результате к началу XX века русская консервативная мысль значительно уступала по своему идейному багажу либеральному лагерю. Один из виднейших идеологов монархизма начала XX века Л.А.Тихомиров признал: «Чем больше я изучаю и ближе наблюдаю наши общественные и правящие круги и администрацию, тем более убеждаюсь в их политической малосознательности, а отсюда происходит своеобразность буффонального патриотизма - у одних и отсутствие его - у большинства, хотя и мыслящих себя монархистами... Наши правящие круги и все вообще застряли на начатках своей политической веры. Спросите самого правоверного монархиста: почему он монархист и в чем его политическая вера? Кроме стереотипных славянских лозунгов «за Самодержавие, Православие и русскую народность», он ничего другого не сумеет сказать, определить и доказать» (3).

Под воздействием модернизационных процессов, происходивших в России на рубеже XIX-XX вв., русский консерватизм подвергался трансформационным изменениям, в результате которых идеологи консерватизма могли эволюционировать от умеренно-консервативных взглядов к охранительным (М.Н.Катков, К.П.Победоносцев), и даже пытались найти способ разрешения проблем модернизационного периода в «союзе

социализма с русским самодержавием» (К.Н.Леонтьев). Внутри самого консерватизма были «правые» и «левые» течения. На правом фланге консерватизм плавно перетекал в охранительство и реакцию, на левом приобретал либеральные черты.

При всем своеобразии и различии консервативных концепций можно выделить ряд общих признаков, в целом присущих консервативной системе мировоззренческих ценностей: 1) провозглашение необходимости следования России по собственному пути национального развития, отличному от западного в политическом и духовно-нравственном аспекте. В то же время это не означало тотального изоляционизма и автаркии. Позитивный зарубежный опыт должен был внимательно изучаться и по возможности заимствоваться; 2) признание незыблемости самодержавной власти в России, допускавшее возможность проведения реформ в рамках существующей системы; 3) наличие в консервативных концепциях религиозной (православной) константы, обусловленной идеократическим взглядом на мир и сакрализацией явлений государственно-политической жизни; 4) сохранение общественной иерархии как основы самодержавной системы. Иерархическое восприятие системы государственных и общественных отношений; 5) сохранение единой и неделимой Российской империи; 6) учет специфики развития российской экономики и доминирования в ней аграрного сектора; 7) особое внимание делу воспитания молодого поколения. Семья рассматривалась консерваторами как фундамент социального порядка в государстве, а образовательная политика была направлена на воспитание учащихся в духе патриотизма и верности существующему режиму.

Долгие годы в отечественной историографии консерваторы изображались убежденными противниками прогресса, а консерватизм трактовался как «приверженность к старому, отжившему и вражда ко всему новому, передовому» (4). Эта точка зрения ошибочна, поскольку русские консерваторы были не только «охранителями» в самом прямом смысле этого слова, но и пытались найти компромисс с происходившими в стране переменами. Они не только ностальгировали по прошлому, но и стремились разработать и предложить продуманную систему мер, позволявших, как им казалось, осуществить плавный переход к новым социально-экономическим отношениям. В построениях консерваторов имелись постоянные константы (православная религия, монархическая власть, общественная иерархия и т.д.), которые, по их мнению, служили несущими опорами в здании российской государственности. Радикальная «перестройка», а тем более «удаление» этих несущих опор привели бы к крушению традиционной России. Однако все попытки воплотить исповедуемую консерваторами систему взглядов на практике потерпели поражение. Еще при жизни идеологов консерватизма вокруг них создавалась «полоса отчуждения». Общественное мнение не прислушивалось к их голосу, не внимало их предупреждениям и не следовало их советам. Определенная вина лежит и на самих консерваторах, которые, хотя и видели недостатки и «язвы» существующей системы, предпочитали «загонять болезнь вглубь».

Внимательное изучение мемуарной литературы и переписки, виднейших представителей отечественного консерватизма показывает, что зачастую сами консервативные идеологи не верили в успех своей деятельности. Еще в 1891 г. К. Н.Леонтьев писал о том, что при определенных условиях русский народ «через какие-нибудь полвека, не более... из народа "богоносца" станет мало-помалу, и сам того не замечая, "народом-богоборцем", и даже скорее всякого другого народа, быть может. Ибо, действительно, он способен во всем доходить до крайностей» (5). Лишенное сдерживающих ограничений «русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути всесмешения... и мы, неожиданно, лет через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессловесных, а потом бесцерковных или уже слабо церковных, - родим... антихриста» (6).

Другие консервативные мыслители были не менее пессимистичны в своих оценках. В сентябре 1900 г. Победоносцев говорил А.А.Кирееву о том, что все молодое поколение становится враждебным правительству. Киреев спросил: «На век государя хватит?»